

но перечитывать безъ конца. Русская критика ославила Чехова какъ писателя «безъ міровоззрѣнія». Дю-Бо опять-таки первый, увидѣвшій мудрость Чехова. О ней говорить онъ по поводу отношенія Толстого къ проблемѣ Смерти: «въ какой мѣрѣ стоитъ жить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ задаваться вопросомъ о смыслѣ жизни. Я не знаю быть можетъ проблемы болѣе опасной, болѣе пагубной для человѣческой личности, ни болѣе многозначной — смотря по человѣку. Рѣдки, даже среди самыхъ великихъ, побѣдоносно разрѣшившіе ее, нашедшіе то равновѣсіе, что не имѣетъ ничего общаго съ равновѣсіемъ, какимъ кичатся всѣ тѣ, для которыхъ въ жизни ничто никогда не представлялось загадочнымъ. Этого равновѣсія, изъ всѣхъ современныхъ писателей, Чеховъ достигъ несомнѣнно въ наибольшей степени...» И опять-таки: до какой степени это глубоко-вѣрно, можно провѣрить впечатлѣніемъ, оставляемымъ вещами Чехова. Почему эти вещи, въ которыхъ жизнь изображается полной противорѣчій, незаслуженныхъ неудачъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такой томительной, нудной, казалось-бы, безсодержательной, вызываютъ въ каждомъ человѣкѣ, способномъ чувствовать, настроеніе примиренности съ жизнью и людьми? Равновѣсіе, о которомъ говоритъ авторъ, было достигнуто Чеховымъ благодаря его способности любовнаго пониманія людей, способности жалѣть и прощать. Это тоже замѣтилъ авторъ, ссылающійся на одно мѣсто изъ записной книжки Чехова. Книга Дю-Бо, въ которой столько глубокихъ и тонкихъ мыслей о русскихъ писателяхъ, о Томасѣ Гарди, о Ст. Георге, — фактъ, свидѣтельствующій, что наше время безобразной борьбы разныхъ націонализмовъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ время возрожденія, казалось, заглохшей въ XIX вѣкѣ европейской, можетъ быть, — мировой, культуры.

П. Бицилли.

Dostojevskij-Studien. Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. I. Reihe, 8 Heft. Reichenberg, 1931.

Сборникъ изслѣдованій о Достоевскомъ, изданный Славистическимъ обществомъ при нѣмецкомъ университетѣ въ Прагѣ, содержитъ въ себѣ статьи проф. Г. Геземанна, Д. Чижевскаго, С. Гессена, А. Бема и Р. Плетнева.

Въ первой своей статьѣ проф. Геземаннъ производитъ интересное сопоставленіе творчества Гоголя и Достоевскаго. Прототипъ петербургскаго мечтателя, сентиментальнаго героя раннихъ произведеній Достоевскаго, особенно героя «Бѣлыхъ ночей» онъ находитъ у Гоголя въ лицѣ молодого художника въ «Невскомъ проспектѣ». Сдержаніе новеллы Гоголя опредѣляется двумя важными проблемами и настроеніями его, которыя стоятъ другъ съ другомъ въ тѣсной связи: демоническимъ элементомъ его творчества и задачей сексуальнаго отпора (*Sexualabwehr*). Сентиментальный герой Достоевскаго характеризуется двумя чертами — мечтательностью и склонностью къ

платонической любви. Сексуальный отпоръ выражается у него въ болѣе смягченной, сублимированной формѣ, именно въ видѣ спасенія «въ роли «третьяго», безкорыстнаго, самоотверженнаго друга въ треугольникѣ любви». Въ повѣсти Гоголя мечтателю противопоставитъ противоположность его, человѣкъ дѣйствія поручикъ Пироговъ; въ «Бѣлыхъ ночахъ» Достоевскаго этотъ «другой» только слабо намѣченъ два раза, но онъ выступаетъ ярко въ лицѣ Звѣрькова въ «Запискахъ изъ подполья».

Во второй своей статьѣ Геземаннъ разбираетъ романъ Луизы фонъ Франсуа «Judith die Kluswirtin», въ которомъ есть положеніе, напоминающее судьбу Димитрія Карамазова.

Чижевскій показываетъ въ своей статьѣ, что идея двойника занимала Достоевскаго на протяжении всего его творчества — не только въ повѣсти «Двойникъ», но и въ «Подросткѣ», «Бѣсахъ», «Братьяхъ Карамазовыхъ». Такъ, тонкимъ анализомъ онъ показываетъ, что Ставрогину присуща бѣсовская многоликость, что онъ самъ не живетъ, но различными аспектами его разложившейся души живетъ рядъ лицъ, стоящихъ къ нему въ отношеніи большаго или меньшаго двойничества, — именно Шатовъ, Кирилловъ, Петръ Верховенскій, Федька-каторжникъ. Чижевскій вскрываетъ глубокой философскій смыслъ идеи двойничества, какъ слѣдствіе нравственнаго упадка субъекта, именно невыполненія имъ своего конкретнаго индивидуальнаго назначенія, откуда возникаетъ замѣнимость субъекта другими субъектами, утрата имъ своей неповторимости.

Гессенъ начинаетъ свою статью сообщеніемъ объ изслѣдованіяхъ, установившихъ, что эмпирическимъ первообразомъ Ставрогина была Николай Спѣшевъ, членъ кружка петрашевцевъ, пріятель Достоевскаго, который называлъ его обыкновенно своимъ Мефистофелемъ (къ статьѣ приложенъ замѣчательный портретъ Спѣшева, красота котораго соответствуетъ жуткому описанію красоты Ставрогина, данному въ «Бѣсахъ»). Философскій смыслъ образа Ставрогина Гессенъ истолковываетъ такъ: Ставрогинъ принадлежитъ къ числу интеллигентовъ, «оторвавшихся отъ почвы» подъ влияніемъ отвлеченной разсудочности, которая въ началѣ является въ формѣ либеральнаго оптимизма такихъ лицъ, какъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій, но въ дальнѣйшемъ своемъ осуществленіи неизбежно ведетъ къ совершенному опустошенію и разложению души, угасанію любви, презрѣнію къ человѣку и высокомерию. Крестный путь Ставрогина обусловленъ совершеннымъ отсутствіемъ въ немъ любви; поэтому онъ не способенъ ни къ какой вѣрѣ, а, слѣдовательно, и ни къ какой дѣятельности. Гессенъ доказываетъ, что «Исповѣдь» Ставрогина, не напечатанная Достоевскимъ по настоянію редактора журнала Каткова, органически связана съ дѣломъ романа и видитъ въ ней проявленіе высокомерія и презрѣнія къ людямъ, а не смиренія и любви. Соучастіе Ивана Карамазова въ убійствѣ отца и Ставрогина въ убійствѣ жены, говоритъ Гессенъ, обусловлено высокомеріемъ и равнодушіемъ. Но у Ивана Карамазова это было слѣдствіе неполноты добра, именно слѣдствіе отвлеченной морали долга, а у Ставрогина это поведеніе «игро-

ка, который ни на что уже не надеется, отъ будущаго и тѣмъ не менѣе ждетъ отъ него невозможнаго; такимъ образомъ въ судьбѣ Ивана Карамазова воплощена трагедія добра, а въ судьбѣ Ставрогина — трагедія зла.

Бемъ прослѣживааетъ развитіе образа Ставрогина путемъ изученія Раскольникова, перваго наброска «Идиота» (герой котораго былъ задуманъ, какъ гордый, замкнутый въ себѣ преступникъ и тѣмъ не менѣе въ самомъ преступленіи привлекательный и загадочный человѣкъ), разныхъ вариаций «Жизни великаго грѣшника» и, наконецъ, разныхъ ступеней развитія романа «Бѣсы». «Исповѣдь» Ставрогина выпущена изъ романа Достоевскаго, по мнѣнію Бема, не только вслѣдствіе несогласія Каткова напечатать ее, но и потому, что самъ Достоевскій призналъ ее не соответствующею образу Ставрогина.

Пиетневъ приводитъ отзывъ Достоевскаго объ исполненіи драмы Островскаго «Грѣхъ да бѣда на кого не живеть» и соображаетъ вообще объ отношеніи Достоевскаго къ театру. Чижевскій приводитъ фольклористическія данныя о магическихъ кошунственныхъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ причастію, особенно о разстрѣлѣ причастія.

Н. Лосскій.

B. Sruoga. Rusų literatūros istorija. Kaunas, 1931.

Книга доцента Б. Сруоги, изданная Литовскимъ Университетомъ, является первой частью задуманаго авторомъ трехтомнаго труда на литовскомъ языкѣ по исторіи русской литературы и народной поэзіи. Вышедшій въ свѣтъ первый томъ охватываетъ литературу съ древнѣйшихъ временъ до XVII в.

Во введеніи авторъ, исходя изъ правильной мысли, что «исторія русской литературы не отдѣлима отъ исторіи культуры въ широкомъ смыслѣ слова», приводитъ рядъ убѣдительныхъ доводовъ въ пользу того, что блестящій расцвѣтъ русской литературы въ XIX в. не случайное явленіе, а корнями своими уходитъ въ глубокое прошлое. Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о расселеніи восточныхъ славянскихъ племенъ, о возникновеніи Кіевского государства и началѣ христіанства на Руси. Второй, третій и отчасти четвертый отдѣлы книги посвящены Кіевскому періоду русской литературы и изложены авторомъ съ достаточной объективностью. Положеніе мѣняется, когда авторъ переходитъ къ исторіи литературы Московской Руси (IV-VIII отд.). Въ симпатіи на сторонѣ Кіевской Руси, всѣ антипатіи — на сторонѣ Московской Руси. Все плѣняетъ его въ исторіи Кіевской старины: политическіе порядки, и высшая культура страны, и люди, и, наконецъ, литература; болѣе оригинальная и болѣе художественная. Въ Московской Руси все темно, грубо, деспотично, достойно презрѣнія и насмѣшки, нѣтъ ничего положительнаго, никакого просвѣта. Пестрятъ авторскіе восклицательные знаки, свидѣтельствующіе о его недовольствѣ. Не показавши еще литературныхъ памятниковъ этой эпохи, не приведя историческихъ матеріаловъ и ссылокъ, авторъ для ха-